

ВЕЛИКОЛЕПНЫЕ
ДЕТЕКТИВНЫЕ
ИСТОРИИ

• СОДЕРЖАНИЕ •

Елена Логунова
АТЛАНТЫ ДЕРЖАТ МАРКУ
7

Марина Крамер
РУМБА НА МОСКОВСКОЙ БРУСЧАТКЕ
53

Евгения Михайлова
БОЛОТНЫЙ ГАЗ
94

Татьяна Устинова
ДЕЛО ОБ ИЗУМРУДЕ
135

Людмила Горелик
МАРИЯ ДЮВАЛЬ
ПРИНЕСЕТ ВАМ СЧАСТЬЕ?
146

Наталья Александрова
БРОНЗОВОЕ КОПЫТО
183

Валерия Вербинина
КАЗУС ИНЖЕНЕРА ГУСЕВА
227

Наталия Антонова
ТЕМПЕРАМЕНТНАЯ НЕВЕСТА
264

ЕЛЕНА ЛОГУНОВА

• АТЛАНТЫ ДЕРЖАТ МАРКУ •

Валентина Петровна Мордасова туго завязала горловину черного мусорного пакета и посмотрела в окно.

На небе, как на голубом экране, показывали цветное кино на ускоренной перемотке: розовое солнце закатывалось в черную тучу, та проливалась серым дождем, он превращался в белый туман, окутывал розовое солнце, которое пряталось в черную тучу — и все повторялось. Прекрасное летнее утро. Для Питера, разумеется.

Валентина Петровна проследовала в прихожую к зеркалу, окинула себя в нем критическим взглядом, дополнила временную ручную кладь в виде мешка с мусором обычной сумкой, вбила ноги в туфли и вышла из квартиры.

Захлопнув за собой дверь и не забыв убедиться, что та закрылась, Валентина Петровна проследовала на площадку к лифту.

Шествовала она важно, в спокойствии чинном. Спешить было некуда: гипермаркет, в мясном отделе которого по утрам недорого продавались прекрасные кости, работал с 9:00. Барство, конечно. В родном городке Мордасовой во глубине сибирских руд в такое время жизнь кипела и была ключом. В северной столице к девяти утра к стеклянным дверям гипермаркета подтягивались только собачники с питомцами — конкуренты Валентины Петровны за мясные кости. Но избалованные комфортной городской жизнью песики и их хозяева были сонными, а Мордасова не зевала, так что неизменно успевала первой в забеге собачьих упряжек на золотой прииск. То есть к прилавку в мясном отделе.

Не то чтобы Валентина Петровна страстно любила мясные кости — она просто умела их готовить. Из неказистых фрагментов коровьих и свиных туш путем грамотной их переработки получался превосходный наваристый бульон для борща или горохового супа. А хорошо разваренное мясо необыкновенно облагораживало рассыпчатую

гречневую или пшеничную кашу. В последнее время эти традиционные блюда народной кухни составляли основу рациона Мордасовой. А почему нет? Дешево и сердито. И для здоровья полезно.

Конечно, когда она найдет работу и получит первую зарплату — купит большой кусок мяса без костей. Парную телятину. Вырезку. А пока — посторонитесь, городские собачки, на вашу кормовую базу претендует зверь покрупнее!

В шахте лифта отдаленно загромыхало, заухало, обещая относительно скорое прибытие кабины. Валентина Петровна ее терпеливо дождалась, внедрилась и от нечего делать погляделась в зеркало на стене. То добросовестно и без лести отразило предпенсионного возраста гражданочку типажа Фрекен Бок из мультфильма про Карлсона. Помаду она подобрала неудачно: перламутрово-розовый не сочетался с выкрашенными хной волосами. А вот пухлый мусорный пакет, благоухающий мясными костями, отдавшими все лучшее борщу, который сейчас настаивался на плите в квартирке Валентины Петровны, ей даже шел. Как-то очень органично сочетался с курточкой из секунд-хенда и джинсами с Сенного рынка.

Мордасова дружеской улыбкой приободрила Фрекен Бок в зеркале и вынужденно потеснилась: на девятом этаже лифт остановился, и в кабину летящей походкой, затейливо сочетающей матросскую развалочку и финишный спурт олимпийского бегуна, ворвался юноша бледный со взором горящим. Глаза у него были красные, волосы растрепанные, щеки небритые, а горло натруженное. Колючим шерстяным голосом он прохрипел в дорогой смартфон:

— Чтоб через полчаса был как штык! — и свободной рукой нервно ткнул в кнопку закрывания дверей.

Лифт брякнул, как узник оковами, ухнул, как филин, и возобновил движение вниз. Юноша тяжело вздохнул, помотал головой и дважды аккуратно ткнулся лбом в стену.

Валентина Петровна, успевшая деликатно зажмуриться, чтобы не смущать случайного попутчика пытливым взором, открыла глаза и посмотрела на него с профессиональным интересом.

Не удержавшись, она спросила:

— Проблемы с трудовой дисциплиной?

В телодвижениях бледного юноши она уверенно опознала типичный комплекс утренней гимнастики несчастного руково-

дителя, подчиненные которого уклоняются от свершения трудовых подвигов.

— Вы кто, эйчар? — неприязненно огрызнулся юноша.

— Боже сохрани! — Валентина Петровна размахисто перекрестилась свободной от мешка рукой. — Неужели похожа?

На них она вдоволь насмотрелась, обивая пороги разных учреждений в поисках работы. Эйчары все как один были ухоженными нарядными девочками в очках с простыми стеклами и с лаковыми ноготками. От Валентины Петровны они разительно отличались как внешностью, так и идейными соображениями.

Девочки-эйчары были убеждены, что соискателей старше сорока лет не стоит даже приглашать на собеседование, и запросто могли отказать специалисту с дипломом Московского высшего технического училища имени Баумана изысканной формулировкой: «На эту должность выпускники ПТУ претендовать не могут». Они заканчивали объявление о поиске опытных токарей и сварщиков (по умолчанию — не старше сорока лет) манящими строками: «Гарантируем молодой дружный коллектив и чай-кофе с печеньками» и окончательно отпугивали

представителей суровых мужских профессий обещанием ничем не ограниченного духовно-личностного роста и эффективной прокачки скилзов.

Валентина Петровна про прокачку скилзов и думать не хотела. В приличном обществе о таком не говорят.

— Я кадровик. Просто кадровик, — решительно отмежевавшись от эйчаров со всеми их непристойностями, сказала она юноше с той скромной гордостью, с которой понтифик мог был молвить: «Я Папа. Римский Папа», а знаменитый агент 007 так прямо и говорил: «Бонд. Джеймс Бонд».

— Кадровик? — тусклые красные глаза попутчика зажглись, как кремлевские звезды.

Валентина Петровна приосанилась. Было очевидно, что юный красноглазик, похожий на недокормленного упыря, слышал от древних руководящих вампиров легенды о Великих и Могучих Кадровиках — ныне вымершем племени атлантов.

— С тридцатилетним опытом, — Мордасова сочла возможным похвастаться. — Могу вплотную приблизить к идеалу какой угодно коллектив — от заводского цеха до футбольной команды.

— А можете гр-мр-пр-хр? — юноша прокашлял иностранное слово, которого Валентина Петровна не поняла, но все равно кивнула.

Могу, мол. Что мне, Великому и Могучему Атланту, этот ваш гыр-мыр-пыр? Тридцать лет опыта — это вам не баран чихнул. И не вампир накашлял.

Неторопливый лифт наконец прибыл на первый этаж и торжествующим скрипом предложил пассажирам освободить помещение.

Не тут-то было: красноглазый юноша с нечеловеческой силой одной рукой удержал габаритную попутчицу, а другой ударил по кнопке девятого этажа:

— Вы-то нам и нужны!

Лифт недовольно пыхнул, бухнул, но все же повлек Мордасову и Красноглазика обратно в горние выси.

Валентина Петровна не сопротивлялась. Даже с небольшой задержкой на неожиданную экскурсию в вампирское логово она еще успевала к открытию гипермаркета.

На девятом этаже Красноглазик подвел заинтригованную Мордасову к железной двери с золотистыми циферками, складыва-

ющимися в легко запоминающийся номер 200, извлек из кармана узких коротких штанов блестящий ключик и провернул его в замке.

— Вот! Прошу! — не без гордости провозгласил он, распахнув дверь в темное помещение.

— Офис? — поведя носом, уточнила умудренная тридцатилетним опытом кадровичка, не спеша переступить порог.

Несмотря на то, что в соответствии с поэтажным планом жилого дома за дверью располагалась стандартная двухкомнатная квартира, человеческим духом из нее не пахло.

Пахло нечеловеческим. Прямо-таки трупным. Версия с вампирским логовом приобрела убедительность.

— Да, а что? — Красноглазик канул во мрак того, что в плане было стандартной прихожей, хлопнул ладонью по стене и включил свет. — В ипотеку взял. Это выгоднее, чем офис арендовать.

Валентина Павловна покивала — она тоже приобрела свою квартиру в ипотеку: три года, пять и восемь десятых процента, хорошие условия — и смело вошла в вампирскую, ой, стандартную двушку. Жизнь

временно неработающей одинокой без пяти лет пенсионерки скучна, не упускать же редкий шанс развеяться?

— Вы здесь сами пока, океюшки? Почилите чуть, а я быстро сгоняю, мне позарез... — Красноглазик кашлянул и потер горло под небрежно намотанным шарфом. Под ним была футболка с коротким рукавом — наряд странноватый, но очень питерский. — Сейчас и стафф подтянется, и коник явится, и мы вам джоб-оффер чин-чином оформим.

— А где...

Валентина Петровна хотела спросить, где ей можно присесть, потому что в прихожей ничего похожего на стулья она не увидела — и без того тесное пространство было заставлено колоннами из картонных коробок, но Красноглазик понял ее по-своему.

— Где наш прежний эйчар? — Он вздохнул и развел руками. — Пропала!

Валентина Петровна хотела уточнить — в каком смысле пропала, не в худшем ли? Не вовсе ли сгинула?

Номер на двери, неприятно напоминающий о печальном «грузе-200», и нехороший запах заставляли тревожиться.

Но Красноглазик счел предварительную беседу законченной, потер ладошки и отсту-

пил за дверь, захлопнув ее за собой и оставив кадровика, просто кадровика (а не охотника на вампиров!) в плену двухкомнатной темницы.

— Вот это ты, Валя, вляпалась! — с недоверчивым изумлением сказала Мордасова сама себе и осторожно двинулась в обход картонных колонн, внимательно глядя под ноги, чтобы не вляпаться во что-нибудь отнюдь не фигурально.

Ближайшая дверь оказалась распахнутой настежь. В проеме смутно виднелись массивные угловатые предметы. «Гробы!» — азартно подумала было Валентина Петровна, неплохо представляющая себе интерьер стандартного вампирского жилища по голливудским фильмам. Но нет — это были столы, что выяснилось сразу же, как только отважная женщина посветила в комнату встроенным фонариком мобильного телефона.

На столах во множестве помещались плоские широкие мониторы и компьютеры — модные, серебристые, похожие на тонкие книжки. Ее богатый жизненный и профессиональный опыт включал достаточно близкое знакомство с современной оргтехникой,

так что замшелой бабкой без пяти лет пенсионерка не была.

— Ноутбуки, — поняла Валентина Петровна и в подтверждение сказанного громко чихнула: в логове не только дурно пахло, но и было изрядно пыльно. — Бяки-буки...

Она перешла к следующей двери — та была прикрыта, но не заперта, — толкнула ее и полюбовалась призрачным сиянием, разливающимся в правом дальнем углу, обычно именуемом красным, а в данном случае голубым. Там тоже имелся просторный стол, даже два, и оба с ноутбьяками-буками. Один как раз был открыт и в меру своих сил работал осветительным прибором.

В кухню, санузел и кладовую Валентина Петровна заглянуть не успела. В замке мучительно проскрежетал ключ, входная дверь открылась, и в прихожую, на ходу привычно поворачиваясь боком, чтобы вписаться между коробками, ворвался низкорослый бородатый тип в свитере ручной узорчатой вязки и широких вельветовых штанах, подвернутых снизу так высоко, словно их владелец заранее знал об опасности во что-нибудь вляпаться и постарался минимизировать риск.

— Ваня, ай эм тут! — радостно крикнул он и еще раз айкнул, уже испуганно, едва не столкнувшись с выбравшейся из красно-голубого угла Валентиной Петровной.

— Вы кто? — упреждая аналогичный вопрос, спросила она.

Красноглазик, убегая, пообещал ей скорое прибытие какого-то стаффа и еще коника. Не то чтобы Валентина Петровна всерьез ждала появления большой собаки (стаффордширские терьеры довольно крупные) и маленькой лошади мужского пола (сиречь коника), но гном в вельветовых портках в списке вовсе не значился, а потому по умолчанию должен был считаться посторонним. Пока не докажет обратное, разумеется.

— Я-то Кондратий! — ответил гном после недолгого молчания, которого ему хватило, чтобы вытарашить глаза, почесать в затылке, помотать головой, нахмуриться, скрестить руки под поперечной косой на свитере и притопнуть ногой в зверовидном ботинке на подошве вдвое более толстой, чем «платформы» Валентины Петровны. — А вы кто, тетенька?

— Кондратий — это Коник? — «тетенька» быстро соображала.

18 — Йес, ай эм!

— А стафф?

— А со стаффом проблемы, — гномик Коник погрустнел. — Два фронтенда-девелопера — фьюить!

— Пропали? — понятливо уточнила Валентина Петровна.

Кажется, стало понятно, чем пахнет. Фронтенд-девелоперами, не иначе. Пропавшими. И даже протухшими.

— Йес, оф коз! Гена новых ищет, но где ж их взять... — гном вдруг взволновался, почти подпрыгнул и с новым интересом воззрился на Мордасову. — Но вы ж не он? Не она?

— Не оно, — с достоинством подтвердила Валентина Петровна. — Я кадровик, просто кадровик.

— Дирпопер?! — гном обрадовался, а Валентина Петровна — вовсе нет.

— Я бы попросила! — насупилась она. — Выбирайте-ка выражения. Смотрю, у вас тут проблемы с корпоративной культурой...

— Дирпопер — ит из директор по персоналу! — хихикнув, поспешил объяснить Кондратий.

Дух-дух! — сделала дверь, с размаху врубаясь в картонную колонну и опасно сотрясая устои.

— Кто, кто в теремочке сидит?! — басовито гаркнул здоровенный бурый медведь.

А, нет: парняга в просторной теплой рубашке из ворсистой ткани.

Придержав и умирив взволновавшиеся коробки, он развернулся лицом к комическому дуэту Валентины Петровны и Кондратия и изобразил поклон:

— Рад приветствовать... Клаус!

— Клоун ты, а не Клаус, Коля, иди и впахивай, у тебя код не дописан! — строго прикрикнул на него гном Кондратий, он же Коник.

Валентина Петровна достала из сумки блокнот, в который вносила толковые мысли (они часто появляются на ходу) и списки покупок, она стала фиксировать имена новых коллег и наскоро набрасывать их характеристики. Потом оформит нормальные личные дела.

Вскоре после клоуна-Клауса-Коли появилась Анна (она же Нюха) — очень худая девушка с пирсингом в носу, бровях, ушах, нижней губе и, возможно, в других, менее очевидных местах. Интимные подробности скрывали просторные, сильно на вырост, бархатные штаны запорожского казака и свитер под горло, но без рукавов. При

этом верхние конечности казачки не выглядели голыми — их сплошь покрывали татуировки в виде кельтских символов. У Нюхи были голубые глаза, синие волосы и обкусанные ногти. Валентина Петровна сделала для себя пометку в блокноте: «Настойка красного перца». Очень помогает, если надо отучить ребенка грызть ногти — делает их крайне невкусными.

За Нюхой прискакал долговязый юнец, похожий на молодого жирафа: длинноногий, длинношей, с большими доверчивыми глазами и мягкими губами, из которых торчала палочка чупа-чупса. Жирафик представился Юрой («Юрец-огурец!» — хлопнув его по плечу в высоком прыжке, сказал гном Кондратий), не глядя швырнул в угол сброшенную с угловатых плеч курточку и устремился к столу с компьютером, походя сбив стул и не заметив этого. Через секунду из оккупированного им угла приглушенной барабанной дробью донесся мягкий перестук кнопок клавиатуры.

Вернулся Красноглазик, в миру Ваня, именуемый также Геной — сокращенно от «Генеральный директор»: лицо расслабленное, в каждой руке по картонной подставке

на четыре гнезда, занятых бумажными стаканами.

— Большой американо, раф на кокосовом, крим-латте на миндальном, какао с зефирками, вроде никого не забыл! — он вручил одну подставку подоспевшему гному, а со второй повернулся к Валентине Петровне. — Забыл спросить, на каком топливе вы работаете? Взял капучино, латте и кофе по-советски, все на обычном молоке, сахар отдельно, вот!

— Не ожидала, спасибо, — поблагодарила Мордасова, принимая картонку со стаканами.

— Там еще двойной эспрессо, это Иванычу, — предупредил Гена-Ваня и канул в общий с гномом Кондратием кабинет, на ходу снимая бесконечный, как обмотка аккумулятора, шарф.

Упомянутый Иваныч пришел последним. Валентина Петровна, нашедшая на просторах офисного логова безобразно захлавленную, как все тут, кухоньку, как раз успела расчистить от чашек с засохшими чайными пакетиками и закаменевшей кофейной гущей край стола и присела на прочную с виду коробку (стульев не было и тут), дегустируя предложенный ей кофе по-советски.

— Ньюша, клавишу свою забирай! — кричал вновь прибывший с порога.

Валентина Петровна, загодя вписавшая в свой блокнот ожидаемого Иваныча, собралась было запротоколировать и какую-то Клаву, но вовремя сообразила, что речь о компьютерной клавиатуре.

— Оп-ля! — Прибывший отдал Нюхе плоскую коробку, заглянул на кухню и освободившимися руками хлопнул себя по коленкам. — Что творится-то! У нас нормальный человек?! Ты кто, прекрасное виденье?

Варвара Петровна почувствовала себя польщенной, но проявила уместную строгость:

— Здравствуйте, уважаемый! Меня зовут Валентина Петровна, а вас?

— А меня лучше бы вообще не звали, устал я, — мужик предпенсионного возраста, невысокий, почти квадратный, с коротким ежиком густых седых волос, бесцеремонно сдернул крышечки с бумажных стаканов, нашел свой двойной эспрессо и припал к нему, как истомленный жаждой бедуин. — О, хорошо! Оживаю...

Валентина Петровна смотрела на него холодно, с укором. Мужик под ее взглядом закашлялся, поставил пустой стакан, при-

гладил прическу, стальной ежик которой от этого нисколько не изменился, и наконец представился:

— Иваныч я.

Валентина Петровна добавила в свой взор бодрящего арктического морозца.

— Семенов Андрей Иванович! — вытянувшись во фронт, отрапортовал мужик.

— Хи из админ наш. Иваныч, вольно! — ехидно молвил из прихожей вездесущий Кондратий. — Ши из эйчар.

— «Эйчар!» — Валентина Петровна передернулась.

— «Админ!» — фыркнул мужик и потянулся за стаканом с латте. — Фу, гадость! Еще и без сахара... — он укоризненно посмотрел на Валентину Петровну, как будто это она должна была позаботиться о сладости напитка, и доверительно поведал: — Админ — это по штатке, а так я тут за все, — Иваныч раскинул руки, охватывая захламленные просторы. — И по железу, и если что вообще починить. Они же, мелюзга, ничего не умеют. Крутить отверткой — безнадежно утраченный навык. Мать заменить — в сервис. Клаву перебрать — а как это? Вы представляете, они меня спрашивают: а правда, Иваныч, что в ваше время клавиатуры дере-

вянные делали и, чтобы сменить язык, надо было новую из доски вырезать? А правда, что компы были большие, как дом, из танкового железа и так сильно грелись, что вы на них стейки жарили?

Он сокрушенно вздохнул, шумно выглотал капучино и печально констатировал:

— Поколение гениальных рукожопов. Обитатели виртуального мира. Не то что мы с вами, дорогая Валентина Петровна...

Нахал накрыл руку Мордасовой шершавой мозолистой ладонью, но Валентина Петровна, решительно не готовая так быстро становиться дорогой, выдернула длань из захвата и громко — чтобы все слышали — спросила:

— Еще кого-то ждем или уже весь персонал на своих рабочих местах?

— Ви хэв еще два кодера на удаленке! — ответно покричал Кондратий.

«Еще два кодера каких-то», — записала в блокнот Валентина Петровна и, подняв голову, поймала откровенно сочувственный взгляд Иваныча.

— Ну, ну, — сказал тот и, похлопав не успевшую увернуться Мордасову по плечу, ушел в большую комнату к «мелюзге».

Валентина Петровна допила винтажный напиток (а правда, что в советское время кофе варили в огромных кастрюлях и разливали по граненым стаканам поварешкой?) и стала прикидывать очередность своих первых действий как эйчара, тьфу, кадровика!

Освоиться на рабочем месте, кстати, где оно? Посмотреть, что осталось от предыдущего кадровика, то есть, прости господи, эйчара. Ознакомиться с личными делами коллег... Но сначала пообщаться с руководителем, с Геной, стало быть, который Ваня, и утрясти все детали собственного трудового договора.

— Ваня, можно вас? — Валентина Петровна заглянула в соседнюю комнату.

— Угу, — ответил Красноглазик, не отрываясь от компьютера.

— Иван? — снова позвала она через минуту.

— Угу, угу.

— Товарищ Генеральный директор!

На это обращение Красноглазик и вовсе не откликнулся.

Валентина Петровна немного подумала и решила максимально усилить призыв.

26 Мало что может соперничать по притягательности с виртуальной реальностью. Разве

что волшебное зелье — свежесваренный домашний борщ.

Мордасова сходила к себе на десятый этаж и принесла в логово трехлитровую кастрюлю с борщом, еще одну — с компотом, поварешку, стопку чистых тарелок, башенку вложенных один в другой стаканов, ложки, солонку, перечницу, банку сметаны, головку чеснока, нож и буханку бородинского. Пришлось сделать две ходки, потому что сразу все унести никак не получалось.

Волшебное зелье начало действовать сразу же. Едва Валентина Петровна сняла крышку с кастрюли и мажорный запах наваристого борща перебил амбре чего-то (или кого-то) пропавшего, в большой комнате стих drobный перестук клавиш, в маленькой закрипело кресло, а из кладовки, где, тихо и изысканно ругаясь, возился Иваныч, донеслось исполненное недоверчивого восторга: «Да неужто, вашу мать?!»

Через секунду в дверной проем вдвинулась квадратная фигура, увенчанная серебрящимся ежиком, но Валентина Петровна решительно отмахнулась половником:

— Позову!

Ежик затрясся, понятливо кивая, и послушно отступил, но продолжал взволно-